

С.Н. БУРОВА,
КАНДИДАТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК),
О.А. ЯНЧУК,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН И ИХ ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ

Рассматриваются результаты социологического исследования домашнего насилия в отношении женщин, проведенного авторами в рамках проекта «Предупреждение домашнего насилия в отношении женщин в Республике Беларусь» в 2010 г. Основная цель: показать различия в жизненных стратегиях женщин, самостоятельно справившихся с ситуацией насилия в отношении себя, и тех, кто продолжает оставаться жертвой.

The paper deals with the results of a sociological research aimed at learning domestic violence against women in the Republic of Belarus that was carried out within the project «Prevention of domestic violence against women in Belarus» in 2010. The goal of the research is to display the distinctions of the active and passive life strategy chosen by women as whether they were able to overcome the situation of domestic violence or remain a victim.

Ежегодно 25 ноября международной общественностью отмечается как День борьбы с насилием в отношении женщин. Это первая дата в ряду 16 дней борьбы с гендерным насилием, которые завершаются 10 декабря в День прав человека (Human Rights Day), официально установленный в 1950 г. на пленарном собрании Генеральной Ассамблеи ООН.

Насилие в отношении женщин, согласно Декларации ООН «Об искоренении насилия в отношении женщин» (1979), означает «любой акт насилия, совершаемый на основании полового неравенства, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни». До сих пор проблема насилия в отношении женщин существует повсеместно. Именно половой признак служит причиной того, что практически во всех странах мира женщина выступает жертвой разных видов насилия: физического, сексуального, психологического, экономического и др. Проблема часто не осознается населением. Например, еще в конце 1990-х гг., согласно нашим исследованиям с использованием массовых опросов жителей Беларуси, было установлено, что большинством граждан нашей страны обоих полов многие виды и формы насилия в целом и в отношении женщин в частности воспринимались как норма отношений, не вызывающая возражений.

В Беларуси на конституциональном уровне резюмируется недопустимость насилия в публичной сфере, которое в большинстве случаев является гендерно нейтральным и за которое предусмотрено наказание в соответствии с нормами уголовного или гражданского законодательства. В частной же сфере, где риск подвергнуться насилию для женщин гораздо выше, ситуация кардинально отличается. Насилие над женщиной в наиболее интимной сфере взаимоотношений – универсальный феномен, который представляет собой часть патриархальных культурных стереотипов. Семейная жизнь считается частным делом, вмешиваться в которое посторонним не полагается. И правовая система фактически является соучастницей насилия в семье, потому что не ограждает женщину (и даже не стремится защитить ее) от посягательств на ее неприкосновенность со стороны мужа, отца, брата и других родственников. Наше исследование еще раз подтверждает этот факт.

В современной Беларуси, как и прежде в СССР, нет официальной статистики о насилии в семье. Данные же ряда социологических исследований 1990-х и начала 2000-х гг. свидетельствуют о его широкой распространенности. Жертвами физического насилия могут стать все члены семьи: женщины, дети, престарелые родители, мужчины. Однако женщины, по результатам всех исследований, являются самыми частыми и распространенными жертвами. По данным нашего репрезентативного исследования, проведен-

ного в Беларуси в 1994 г., ими стали от 25 до 30 % женщин в разных социальных группах. Мужчины оказывались жертвами в 3–5 % случаев. Что касается сексуального насилия, то ему подвергаются прежде всего женщины, чаще в форме изнасилования. Сексуальное изнасилование женщин, девушек и девочек часто исходит от знакомых и даже близких мужчин. В случаях, связанных с отношениями родства или знакомства между жертвой и преступником, представители власти и общественности не рассматривают жертву этих преступлений серьезно, поскольку в их сознании бытует предвзятое отношение к таким фактам. Сексуальное насилие мужа по отношению к жене вообще не воспринимается нашими гражданами и гражданками как противоправное. В соответствии с существующими стереотипными взглядами жена всегда должна беспрекословно исполнять свой «супружеский долг». И сами женщины нередко не понимают, что сексуальные отношения с мужем помимо их воли тоже являются изнасилованием. При этом эти действия в браке распространены гораздо чаще, чем принято считать. Исследование 2010 г. еще раз подтверждает этот вывод.

Психологическое насилие, в отличие от физического и сексуального, которые идентифицируются многими людьми, осознается гораздо реже, потому что имеет не такие явные, а более тонкие формы, нередко проявляющиеся в изощренных приемах. Между тем разнообразные формы психологического насилия оказывают огромное разрушительное воздействие на личность, формируя представления человека о себе как о неполноценном, ущербном, а также заниженную самооценку. Все исследования семейной жизни в нашей стране показывают широкую распространенность психологического насилия, причем этот вид чаще всего мало кем осознается как насильственное воздействие. Например, исследование 2001 г. показало, что брань, ругательства как форма психологического насилия осознавались только 47,7 % взрослых жителей Беларуси, а непристойные шутки и замечания – 21,8 %¹. Необходимо отметить, что респондентки показали в целом возрастающую осведомленность в этом вопросе.

Экономическое насилие распознается еще меньше, чем психологическое. Но, на наш взгляд, именно оно является основополагающим в разрушении достоинства человека по крайней мере на том этапе развития нашего общества, на котором мы сегодня находимся. До сих пор экономическая зависимость одного человека от другого, обладающего экономическими ресурсами и материальными средствами, часто ставит первого в подчиненное положение, лишает и/или уменьшает степень его самостоятельности и личной свободы². И таким зависимым человеком оказывается, как правило, женщина.

На отношение к проблеме домашнего насилия над женщиной влияет множество факторов. Но как показало международное исследование 2001 г., проведенное на территории 9 государств, среди которых была и Беларусь, «половой и образовательный факторы являются более значимыми при умении распознавать насилие, чем возрастной и фактор места жительства. Женщины и высокообразованные люди делают это лучше, чем мужчины и люди с более низким образовательным уровнем»³.

Все сказанное позволяет увидеть масштаб проблемы домашнего насилия в отношении женщины, в том числе и в Беларуси. Но количественные методы не дают полного представления о всей серьезности вопроса. В нашей стране до сих пор не проводились исследования жертв насилия и их отношений с обидчиками с использованием качественных методов, которые позволили бы ощутить в полной мере глубину проблемы.

Нами с марта по август 2010 г. изучалась данная проблема на территории Республики Беларусь в Брестской области (Барановичи), Витебской области (Новополоцк, Полоцк); Гомельской (Гомель, Рогачев, Ветка); Гродненской (Слоним, Сморгонь); Минске; Минской области (Борисов, Дзержинск); Могилевской (Бобруйск). Была опрошена 51 женщина.

Цель исследования: получить качественную (глубинную) информацию о ситуациях насилия в семье в отношении женщин и жизненных стратегиях жертв, провести сравнительный анализ активной и пассивной линий поведения женщин.

Сложность вызвал подбор респонденток. Выборка имела экспериментальный дизайн. Ставилась цель опросить женщин разных возрастов, разного социального положения, перенесших разные виды насилия, проживающих в разных регионах нашей страны. В выборку попали преимущественно городские женщины, хотя некоторые из них в недавнем прошлом (и в детстве) проживали в сельской местности. Специфика объекта и предметной области изучения диктовала необходимость особой деликатности в предложении женщинам участвовать в исследовании. Основным условием попадания в выборку было добровольное согласие женщины – жертвы домашнего насилия ответить на ряд вопросов. Анонимность гарантировалась. По этой причине изменены имена респонденток, не указывается их место жительства, возраст и социальное положение. Все объективные характеристики респонденток даются в обобщенном виде.

Возрастные группы опрошенных выглядят следующим образом: 18–30 лет (самые молодые) – 13 женщин; 31–44 года – 23 женщины; 45–55 лет – 9 женщин; 56 лет и старше – 3 женщины.

Метод исследования: полустандартизованное фокусированное интервью (face-to-face) проводилось женщинами – профессиональными психологами или подготовленными интервьюерами по месту жительства респондентки или в другом месте, располагающем к доверительному разговору. В интервью раскрывались вопросы, касающиеся общего понимания женщинами проблемы насилия; их родительской семьи; профессиональной деятельности; отношений с коллегами и руководителями; отношений с мужчинами, сексуального опыта; видов и форм пережитого насилия в семье, его медицинских и экономических последствий; оценки себя и своей личной жизни в настоящее время; отношения к браку и семье. После разговора интервьюеры должны были, исходя из собственного наблюдения, дать в бланке интервью описание внешнего вида респондентки, ее настроения и оценку степени открытости в обсуждении темы разговора.

В соответствии с целью исследования опрошенные женщины были разделены на 2 группы:

1 группа – активные – те, кто победил самостоятельно ситуацию насилия и начал новую жизнь, – 29 женщин;

2 группа – пассивные – женщины, продолжающие жить с насильником и ничего не меняющие в своей жизни или пытающиеся искать помощь, а также те, чья ситуация разрешилась сама собой (например, насильник умер или ушел к другой), – 22 женщины.

Многие женщины из *первой группы* имеют высшее образование, это специалисты и служащие в государственных или частных структурах: педагоги, работающие как в средних, так и в высших учебных заведениях, медицинские работники, бухгалтеры, социальные работники, психологи, менеджеры, статистики, начальники на производстве, есть рабочие, продавцы, охранники. В выборку попали женщины с высшим образованием пенсионного возраста, продолжающие работать. Одна молодая женщина не работает, находится в отпуске по уходу за ребенком.

Анализ социального и материального положения изучаемых показывает, что в целом это экономически независимые женщины, имеющие постоянные источники доходов. Почти всех можно отнести к среднеобеспеченному слою белорусского населения.

Во *второй группе* более половины опрошенных – рабочие низкой или средней квалификации (вахтер, уборщица, рабочая и т. д.) и работницы сферы обслуживания (парикмахер, продавец, медсестра, няня). Пятую

часть составили женщины со средним специальным или высшим образованием (специалист, бухгалтер, экономист); было несколько безработных; одна – индивидуальный предприниматель. По нашим оценкам, в ситуации материальной зависимости (в силу отсутствия работы или ее низкой оплаты) находится большинство женщин второй группы.

Анализ материалов качественного исследования предусматривает максимальное отражение мнений всех респонденток, концентрированное цитирование, что представляет не только самостоятельный интерес, но и составляет ценность полученного аутентичного материала, который невозможен при количественных методах сбора информации.

Для погружения в проблему приведем описания нескольких реальных ситуаций насилия над женщинами в своей семье.

Сначала несколько историй тех, кто **самостоятельно** вышел из сложившейся ситуации.

КАТЯ: «Это было экономическое и психологическое насилие. Супруг не разрешал распоряжаться семейным бюджетом. Все покупки делал самостоятельно, не учитывая моего мнения. На питание и мелкие расходы выделял по 5–7 тысяч в день после моих неоднократных просьб. Бывали случаи, когда денег не выдавал вообще, просто отмалчивался или говорил, что денег нет. Был против того, чтобы я работала: “Ты должна сидеть дома, заботиться о муже и детях”. Чтобы приобрести что-то самое необходимое, мне приходилось залезать в долги, брать деньги у родственников, подруг. Оскорблял, неуважительно высказывался о моей внешности, качествах жены и хозяйки».

ЗОЯ: «Было насилие со стороны первого мужа. Находясь в декретном отпуске по уходу за ребенком, жила только на пособие. Муж выделял мизерные суммы или не выделял вообще, мотивируя тем, что я не работаю. Стал поднимать на меня руку. Вначале раскаивался, просил прощения. Так продолжалось длительное время. Чем дальше, тем ситуация все больше ухудшалась. Муж поднимал руку просто потому, что я не так посмотрела или не так ответила. Не сдерживался даже в присутствии ребенка. Неоднократно соседи по моей просьбе или сами вызывали милицию. Но обычно все заканчивалось переговорами, оправданиями. Один милиционер открыто сказал: “Как я могу его наказать? Он – капитан, а я – лейтенант”. (Муж работал в прокуратуре.) И посоветовал обратиться с заявлением к начальнику областного УВД, что оказалось очень эффективным. Рукоприкладство прекратилось. Но после развода оказывал психологическое давление, хотел, чтобы мы с дочкой оставили квартиру. Звонил мне и моей маме с угрозами: “Убью, покалечу!” Приводил в дом мужчин “кавказской национальности”, старушек, угрожал продать или сдать им комнату в нашей общей квартире».

МАРИНА (третий раз замужем): «Нет, со стороны третьего мужа насилия не было и, я думаю, не будет. Это совсем другой человек по сравнению с моими первыми мужьями. Со стороны первого мужа, можно сказать, психологическое насилие было. Он был ревнивый, я его очень любила, терпела, старалась не обращать на это внимания. Очень ревнивый был, не давал мне одеваться красиво, не давал мне следить за собой, боялся, что я где-то с кем-то. Я боялась задержаться на работе на пять минут, бежала с работы бегом, чтобы не заподозрил, не придумал чего, чтобы у него фантазий никаких не было. Он пил. Когда не пил – хороший человек, а как пьянка – поднимал на меня руку. Я стала бояться. И когда видела, что он приходит пьяный, взвинченный, старалась уходить из дома, забирала ребенка и убегала. Первый брак – самая первая драка. Когда у меня был грудной ребенок, муж пришел пьяный, нашел в моей записной книжке телефон мужчины, а я тогда работала главным бухгалтером и у

меня телефоны руководителей были... На почве ревности устроил скандал, начал меня душить, я с ребенком вырвалась, осталось сильное впечатление... Ну, потом, когда он приходил пьяным, может, он видел страх в моих глазах. Второй муж не пил, но оказался скрягой, дрожал за каждую копейку, и, хотя я получала больше него в два раза, все ему казалось, что я получаю мало... Когда мы поженились, у меня уже был ребенок от первого брака, и он все переживал, что я очень много денег трачу на ребенка. Скорее всего, это экономическое насилие... Я не выдержала этого, каждый раз отчитываться надо было, куда я деньги потратила, на что потратила, в общем, не выдержала. Тем более что я самодостаточная уже была, зарплата была неплохая и на две работы могла пойти работать. Могла и себя содержать, и ребенка. Я, в сущности, потеряв любовь к нему в связи с этим, знала, что я могу сама прокормить и себя, и ребенка. Второй брак – второй случай, когда я хотела показать мужу, куда я трачу деньги, взяла тетрадь и стала записывать: купила хлеб, талон на автобус приобрела, всякую мелочь полностью расписала и показала, куда уходят наши деньги, а он сел, взял калькулятор и все до копеечки за мной пересчитал, вот это было последней каплей в чаше моего терпения».

ПОЛИНА: «Муж закрывал меня дома, сам никогда не был дома со мной, приходил в час ночи, уходил утром. Денег не давал, забирал последнее. Душил. Избивал, но не до синяков, а хитро, заламывал руки. Орал. Ему в самом себе ничего не нравилось, слишком для него я была идеальна, он пытался это заглушить. Ему не нравилось, что я общаюсь с людьми, учусь. Он не давал мне никуда поступать, высшее образование получить. Заставил бросить мединститут. Заставлял сидеть дома и только дома, никуда не выходить. Запрещал общаться с друзьями и с подругами даже по телефону. В общем, полная изоляция от всего мира, ну разве только с мамой разрешал иногда общаться. Я с ним прожила десять лет, но больше сил уже не было так жить».

БЕРА: «Конечно, было насилие со стороны мужа. Я не могу сказать, что это был единственный случай, нет, это было неоднократно, добила его любимая фраза: "Ты мне должна по жизни, я на тебе женился, я тебя пою, кормлю!" Можно подумать, моя зарплата в другое место уходила, как будто я ее домой не приносила».

БЕРОНИКА: «Со стороны второго мужа (нынешнего, с которым развожусь) было психологическое и экономическое насилие. Настойчиво требовал оставить работу, из-за чего я, удовлетворяя эти требования, не достигла возможного карьерного роста. Приходилось уходить с руководящих должностей. И так было дважды. Со временем уменьшилось поступление финансов в семейный бюджет с его стороны, а в настоящее время финансирование полностью прекратилось. Он сейчас не работает. Ну, а у меня на работе все хорошо. Зарабатываю хорошо». (После разрыва отношений женщина сделала профессиональную карьеру.)

КРИСТИНА: «Да, это было психологическое, физическое и сексуальное насилие. Мы были молодыми. Мне – 19, ему – 22. Я еще неопытная девчонка. Очень любила своего мужа, считала его умным, способным, веселым человеком. Я старалась быть хорошей женой, но у него все чаще стало проявляться недовольство мною: то я неправильно себя веду, то не так готовлю – все не так. Потом я стала понимать, что он специально провоцирует скандалы. Ему нравится меня оскорблять, обзывать всякими словами. Он считал, что я ничего не могу, не имею вкуса. Я превратилась в ничто... Дома начал поднимать на меня руку. Сначала толкал, бил по голове, а однажды избил так, что у меня были синяки под глазами. Я тогда вызвала милицию, приехал наряд и его увезли. Пробыл он там сутки, но ситуация не изменилась. Побой продолжались. Для себя я

решила, что не о такой жизни я мечтала раньше. Мой ребенок видел все это, и мне было больно и страшно за дочь. Если бы все это я оставила по-прежнему, не знаю, чем бы все закончилось... Я предложила ему пожить отдельно, сняла для него квартиру. Он сначала согласился, но потом начал меня преследовать. Через полгода нашего раздельного проживания он явился после ночной попойки пьяный со своим другом. Я не впускала, его это ужасно разозлило. Он сломал дверь и начал меня избивать. Друг ему помогал в этом, держал меня. Потом они решили надругаться надо мной... Они сорвали с меня халат и заставили снять ночную сорочку. Я их боялась и подчинилась. Я осталась стоять перед ними голая, избитая, униженная. Мне было страшно за свою жизнь. В один момент я хотела бежать, но они меня вернули и мой бывший муж бил меня так, что я потеряла сознание. Очнулась в луже крови, был сломан нос, все тело болело. Им я уже была не интересна, и они ушли. После этого я вызвала скорую помощь, меня забрали в больницу, в которой я провела около месяца. У меня были телесные повреждения тяжелого характера. С заявлением я обратилась в милицию. Завели уголовное дело. Мне пришлось обращаться за помощью к адвокатам. Дело разбирали полгода. Я видела, как его фальсифицируют... Но ни я, ни мой адвокат не смогли доказать, что это было групповое преступление. Прокуратура всячески препятствовала ходу следствия. Всем нашим ходатайствам безосновательно отказывали. В результате этот случай рассматривался как бытовой скандал. А друг, который принимал непосредственное участие в преступлении, стал почему-то свидетелем. Не приняли во внимание и тот факт, что это был не первый случай моего обращения в милицию. Позже я узнала, что там были заплачены большие деньги и прокурору, и судье, которые вели дело. Бог им судья. Главное, что для себя я решила, что сохранять этот брак бессмысленно и опасно. Я собралась с духом, начала новую жизнь. Дочь моя закончила гимназию с отличием, сейчас является студенткой второго курса университета. Она – моя гордость, и у меня есть стимул к жизни. Хоть и существуют экономические проблемы, но у меня открылось второе дыхание и я буду счастливой!»

НАДЯ: «Со стороны первого мужа было и физическое, и моральное, и психологическое – все виды насилия. Самый запомнившийся случай, когда он меня беременную скинул с кровати ногами. Он был пьян. У меня были проблемы с третьим ребенком, когда он родился. И я свекрови говорила, что я ему могла простить все, но только не это. У ребенка была нарушена психика – вот этого я ему никогда не прощу. Ребенок падал как в эпилептическом припадке. Я думала, что у него эпилепсия, но нет. Наверное, он травму получил, когда еще был в утробе. Это проявилось где-то в годик. Сейчас уже вроде бы все нормально. Парню уже 21 год, но это, мне кажется, повлияло на его здоровье».

А вот несколько историй женщин второй группы, которые продолжают оставаться жертвами. Женщинам этой группы разговор о насилии давался нелегко.

ИРИНА: «Я очень не люблю, когда мой муж выпивает, он становится агрессивным. Я сразу начинаю выражать свое недовольство: кричать, ругаться. Он тогда толкает меня, обзывает, хватается за руки. Мне кажется, что если бы я не забеременела, то он бы на мне не женился».

ОЛЬГА: «Муж побил за то, что отказалась заниматься с ним сексом. Стараюсь больше так не делать».

ВИКТОРИЯ: «Это постоянное экономическое насилие. Он ограничивает меня в средствах, говорит, что я много трачу. Сам он денег не дает, а у нас почти взрослые сыновья, их надо кормить, да и самим нужно есть, и приходится постоянно кланяться деньгами, выпрашивать, отчитываться, куда их потратила, на какие продукты. Трудно объяснить, что мальчишкам много надо».

ДАРЬЯ: «Муж всегда занимался бизнесом. Я считаю, что это, скорее всего, было проявление экономического и психологического насилия, так как муж считает, что он один должен распоряжаться деньгами, и денег я не получала, деньгами полностью распоряжался муж, он хотел, чтобы я была домохозяйкой, сама я денег не имела, потому что не работала. Когда у нас родился ребенок, я должна была с ребенком сидеть дома и не выходить из декретного отпуска на работу. Он не хотел, чтобы я вышла на работу и имела свои личные деньги. Когда я думала выйти из декретного отпуска на работу, муж мне категорически запретил. Я хотела бы еще учиться, но муж сказал, что ему нужна не специалистка, а жена и что я буду делать то, что он требует. Вначале было и физическое насилие, но я бы не хотела говорить на эту тему. Это очень тяжело».

ГАЛИНА: «Муж пьяный хотел меня сбросить с балкона, обзывал всякими словами, хватал за шею и говорил, что задушит. Вообще, он может схватить нож, включить газ и сказать, что всех «потравит»».

РЕГИНА: «Я постоянно испытываю насилие экономическое и психологическое, а порой и физическое. Муж стал совсем не тем человеком, которым был раньше. Выпивает, приходя домой, устраивает мне скандалы, избивает. Его семья меня не признавала. Его мать называла меня последними словами. Моя дочь для нее была чужой. Деньги он мне не давал. Кое-что покупал дочке. Потом я узнала, что у него есть другая, из «порядочной» семьи. Я не знала, что мне делать, страшила его алиментами. Он меня везде позорил, упрекал моим прошлым, моей матерью. Однажды я пришла домой с подругой, мы решили отметить начало учебного года ее дочери. Накрыли на стол, подруга принесла вино. В этот момент явился муж, устроил скандал, выгнал мою подругу, а меня избил. Я не знаю, как мне жить дальше. Может, он уйдет к другой...»

Приведенные истории демонстрируют разнообразный набор реальных примеров насильственных действий мужчин в отношении женщин. Но, как показывает исследование, жизненные стратегии у женщин разные. Понимают ли они, что такое насилие и как оно может проявляться? От чего зависит поведение жертвы? Можно ли самостоятельно справиться с ситуацией? Что придает жертве насилия силы или делает ее слабой? Как влияет на ее поведение родительская семья, характер отношений с матерью и отцом, сексуальный опыт? Какие жизненные уроки она извлекает из насильственных отношений? Меняется ли отношение к семье и браку? Меняется ли отношение к противоположному полу? Помимо качественного анализа полученной информации мы можем сделать и некоторый количественный срез ответов женщин двух групп, находя в них нечто типичное.

Итак, женщины первой группы (напомним, что мы условно назвали их *активные*), если обобщить их мнения, довольно полно видят картину насилия во всем его разнообразии. Но индивидуальные мнения иногда довольно ограничены, сводятся только к грубым формам насилия (физического, сексуального), а также к ярким проявлениям психологического насилия (унижение, ругань, запугивание, словесные издевательства).

Ограничение свободы, подавление воли, дискриминация по половому признаку, моральное давление, нарушение прав человека на жизнь и здоровье – такие зрелые суждения нельзя было услышать от простых женщин 15 лет назад, когда проблема насилия над женщиной не могла даже обсу-

^{*} Для обращения к теме домашнего насилия в отношении женщин 1995 г. стал знаковым: на IV Всемирной конференции по положению женщин в Пекине была принята Пекинская платформа действий, которая представляет собой повестку дня для правительств всех стран мира для расширения возможностей женщин. Согласно этому документу насилие в отношении женщин является одним из препятствий на пути равенства, развития и мира. Правительство Республики Беларусь подписало этот документ, взяв на себя обязательства по борьбе с гендерным насилием.

ждаться из-за морально устаревших этических норм и о которой не принято было говорить. Но 15 лет информационной работы и публичного обсуждения этой ранее латентной проблемы вывели ее в разряд обсуждаемых, заставили многих женщин посмотреть на себя и на отношение к себе со стороны мужчин (мужей, жен, начальников, коллег и т. д.) по-другому.

Женщины второй группы (*пассивные*) также неплохо информированы о существовании проблемы, хотя их ответы более расплывчаты, что дает основание говорить о меньшем ее осознании.

Что касается видов насилия, то они не в равной степени распознаются женщинами. Физическое насилие четко связывается всеми опрошенными с применением силы со стороны мужчины, который превосходит женщину физически. Избиения, побои, причинение травм и вреда здоровью, драки, толчки, таскание за волосы, пинки, замахы ножом – формы физического насилия, которые составили женщины. Надо учесть, что все это знакомо женщинам обеих групп по собственному опыту.

Психологическое насилие стало распознаваться чаще, чем это было раньше. Ранее большинство женщин даже не догадывались, что брань, ругательства, крик, лишение возможности высказать свое мнение и участвовать в принятии семейных решений, оговор, распускание грязных сплетен, тотальный контроль, ревность, унижение чести и достоинства, моральный прессинг, принижение роли женщины в семье и в обществе, навязывание чужой воли – все это изодренное насилие, которое принималось за норму жизни. Сегодня все больше женщин понимают, что такое обращение заслуживает сопротивления. «Психологическое насилие даже страшнее, потому что его постоянно как бы не видно, его не ощущаешь, но все время нервы на пределе. Душу вылечить сложнее, чем синяк», – заключила одна из *активных* женщин.

Сексуальное насилие – весьма деликатный вопрос. Согласно психоаналитику З. Фрейду, в основе мужской агрессии против женщины всегда лежит сексуальный интерес. Некоторые женщины даже ушли от ответа, смущаясь лишь оттого, что нужно говорить на эту тему, которая у нас долгое время была табуированной. Но большинство женщин связывают сексуальное насилие с принуждением женщины заниматься сексом, когда она этого не хочет. Эмоционально угнетенная женщина не может добровольно вступать в интимные отношения. Кроме этого, говорилось об изнасилованиях, принуждении к занятию проституцией, постоянных сексуальных домогательствах, намеках на сексуальность женщины, когда ей это неприятно. Женщины из второй группы также хорошо идентифицировали сексуальное насилие. Крайняя форма сексуального воздействия, по их мнению, это принуждение к половому акту. Но среди всех опрошенных лишь две женщины назвали такие действия изнасилованием и сексуальными издевательствами. *Но вступление в половую связь с незнакомым человеком без согласия трактуется как изнасилование (т. е. как уголовное преступление), а с мужем или постоянным сексуальным партнером – просто как нежелательный секс.*

Распознавание женщинами экономического насилия – большое достижение. Еще несколько лет назад большинство из них даже не слышали об этом. Но данное обследование весьма разных по возрасту, социальному и материальному положению женщин показало, что прогресс налицо. Некоторые связывают экономическое насилие с позицией государства, которое как основной работодатель платит невысокие заработные платы, на которые трудно прожить. Большинство обращаются за примерами к семейной жизни. Это – ограничение в финансовых средствах, упреки в растратах денег и мелочные унижительные отчеты за каждый поход в магазин, материальная зависимость от супруга, отсутствие прав на совместное имущество, лишение возможности распоряжаться семейным бюджетом, сокрытие доходов, запрещение женщине работать; ситуация, когда муж зарабатывает деньги,

жена «сидит» дома с ребенком, а он пытается манипулировать ею с помощью денег и постоянно напоминает, что она иждивенка и должна «знать свое место». Еще хуже, когда мужчина забирает заработанное женой, а потом полностью контролирует ее расходы; или же «принесет семьсот тысяч, а хочет, чтобы я из них сделала полтора миллиона; как хочешь, так и трать, но так, чтобы ему на все хватало». «Это когда женщина за одну и ту же работу с мужчиной получает меньше его». «Когда мужчина считает себя основным добытчиком, и поэтому каждую заработанную свою копейку ценит намного больше женской и все траты осуществляет только на себя любимого, а ты с детьми крутись как хочешь на оставшиеся копейки». А вот оригинальное мнение: «Я сама зарабатывала деньги, давала еще и мужу. Он «сидел» у меня на шее».

Женщины второй группы также отмечают, что часто ситуация экономической зависимости характерна для периода нахождения женщины в декретном отпуске и отпуске по уходу за ребенком. Если женщина работает, то чаще зарабатывает меньше, чем мужчина, поэтому снова становится зависимой от него, и этим ее попрекают.

В обеих группах отмечено декларирование отрицательного отношения к домашнему насилию. При этом *пассивные* хорошо информированы о существовании проблемы домашнего насилия, но идентифицируют его виды и формы в меньшей мере, чем *активные* женщины, характеризуя его более абстрактно, расплывчато, неопределенно (а значит, и малоосознанно). Это означает, что информированность этой группы не может в полной мере превращаться в средство для практического использования в собственной жизни.

Какие женщины могут стать жертвами насилия? Образ жертвы у женщин первой и второй групп несколько различается.

Активные чаще всего связывают уязвимость женщины с ее личностными качествами (слабая, безвольная, тихая, зависимая, неуверенная, трусливая, робкая, бесхарактерная, боязливая, с низкой самооценкой, психологически незрелая и т. д.). Этому способствуют семейные или социальные обстоятельства (насилие со стороны матери или отца; малообеспеченность семьи; недостаток полученного образования; слабое здоровье; вредные привычки; после замужества – экономически уязвимые женщины, находящиеся в финансовой зависимости от мужа, никем не защищенные). Указывались и некоторые поведенческие характеристики: намеренное или случайное провоцирование агрессии со стороны мужчины. Лишь небольшая часть опрошенных из этой группы считают, что жертвами насилия могут стать все женщины, потому что они физически слабее мужчин и во многом от них зависят.

По мнению большинства *пассивных*, жертвы – это женщины слабые, зависимые, неуверенные, с «синдромом жертвы». Четверть женщин думают, что подвергаться насилию могут любые женщины. И есть мнение, что это женщины, которые дают повод для издевательств.

Таким образом, группа активных женщин видит комплексность причин, в которой в равной мере есть и субъективные и объективные факторы, формирующие женщину-жертву. Пассивные же видят в основном психологические качества самой женщины и гораздо чаще склонны думать, что любая женщина может стать жертвой, т. е. существует некая природная предрасположенность.

С ситуацией насилия довольно тесно связана внешность женщины. Мы попытались выяснить у наших респонденток, как они относятся к своей внешности, одежде; контролируют ли они свое поведение, чтобы «не давать повода для нездорового внимания к себе со стороны мужчин». Вопрос об отношении к своей внешности и одежде вызвал неоднозначные ответы. Подавляющее большинство женщин убеждены, что нужно обращать внимание на свою внешность и контролировать свое поведение, но мотивация, как правило, разная.

Некоторые *активные* женщины считают, что слишком откровенная одежда и развязное поведение провоцируют мужчин, привлекают нездоровое внимание. А провокация такого рода недопустима. Вид девушек, одетых вызывающе, как бы говорит: «Возьми меня!» «Но так не должно быть», – считает мама 16-летней девушки. Другая заметила: «Если ты идешь где-то вечером одна, уже поздно, то все эти мини и все эти голые животы, все это... провоцирует. Зачем эти лишние проблемы себе? Я считаю, что это не надо». Одна из респонденток сказала: «Одежда – не главный фактор в провокации. Поведение, наверное, все-таки важнее».

Но есть и другая категория *активных* женщин, которые считают, что женщина должна следить за своей внешностью и одеждой потому, что это дает ей возможность проявить себя, чувствовать себя уверенной. «Женщина должна быть интеллигентной, одеваться соответственно обстановке, чтобы всегда чувствовать себя комфортно». «Она должна понимать, куда идет, с кем идет, во что одета. На работу нужно одеваться “без вырезов и разрезов”». Но думать о том, чтобы «не навести ужаса на мужчин, не стоит; нужно думать о том, чтобы нравиться им, но не злить их». «Женщина должна быть свободной и свободно выражать себя». «Я люблю быть красивой для себя, и если это замечают другие – приятно!» «Мне нравится, когда женщина одевается оригинально, у нее есть свой образ». «Когда на тебе все хорошо, тогда и настроение поднимается. Но я никогда не одевалась так ярко, чтобы привлечь мужчину».

Но возлагать вину на женщину, пострадавшую от насилия, лишь за то, что она была не так одета, несправедливо. «Никакой элемент одежды не может быть поводом для насилия». Это ответы *активных* женщин.

Большинство же *пассивных* женщин считают, что нужно задумываться о своей внешности, обязательно контролировать себя: «Женщина должна красиво одеваться, чтобы на нее смотрели, но в пределах приличного». *Таким образом, активные женщины думают больше о самоуважении, а пассивные в большей мере ориентированы на внешнее (мужское) окружение и его оценку.*

Каким представляется женщинами *образ мужчины-насильника*? Это очень нелицеприятное для мужчин видение.

Активные женщины чаще всего связывают этот образ с личностными качествами, которые обуславливают мужское насилие: слабость, психическая неустойчивость, психологическая незрелость, двуличность, глупость («не умные», «с одной извилиной»), неуверенность в себе, заниженная самооценка и комплекс неполноценности, агрессивные, желающие самоутвердиться за счет женщин. Через насилие над ними, более слабыми, они хотят доказать, что они – герои, личности. Многие женщины считают, что мужское насилие обусловлено особенностями семейного воспитания и индивидуальным негативным социальным опытом. Пятая часть женщин согласна с тем, что все мужчины – потенциальные насильники, что любой из них может совершить акт агрессии в отношении женщины.

Почти треть *пассивных* женщин сослались на психологический фактор; столько же – на приобретенные мужчинами качества, на воздействие социальных факторов (воспитание, вредные привычки); почти треть женщин затруднились или отказались отвечать на этот вопрос.

Таким образом, активные женщины более глубоко анализируют ситуацию и не затрудняются обрисовать портрет мужчины-насильника, который воспринимается как ущербная и слабая фигура.

Изучение структуры родительской семьи (наличие родителей, ее численный состав, количество детей в семье и влияние этих обстоятельств на жизненную стратегию женщины) привело нас к следующему выводу. Полнота семьи не является значимым фактором в том, что женщина, ставшая жерт-

вой, затем способна или не способна справиться самостоятельно с ситуацией насилия. Жертвами могут становиться женщины из полных семей с обоими родителями, из полных семей, где вместо отца отчим, из неполных материнских семей, из семей, где родители присутствуют лишь эпизодически. Во всяком случае в данном исследовании структура семьи, касающаяся родительских ролей, оказалась незначимым фактором. Возможно, это имеет значение в комплексе с другими обстоятельствами.

Но если родительская компонента в структуре семьи не значима и любая семья может сформировать женщину-жертву (полная/неполная, родные родители/неродные), то фактор детности оказался более важным. В нашем исследовании количество детей в семье оказалось весомым фактором в формировании активной позиции девочки в будущем: женщины из многодетных семей чаще выходят из ситуации насилия самостоятельно, чем единственные дочери или женщины из двухдетных семей (объясняется более разнообразным опытом общения в семье). При этом мы понимаем, что эта гипотеза нуждается в проверке на большем массиве данных.

Половина *матерей* однозначно характеризовались взрослыми дочерьми как положительные: хорошая, добрая, замечательная, заботливая, достойная, отзывчивая, любящая, терпеливая, порядочная, трудолюбивая, доброжелательная, понимающая, спокойная, мягкая, уступчивая. Облик хорошей матери нередко связан с наличием традиционных положительных феминных качеств: доброта, терпение, забота, отзывчивость, уступчивость.

Удивительно, но факт. Матерей с отрицательными характеристиками у *активных* респонденток оказалось в два раза больше, чем отцов. Около половины женщин характеризовали матерей с помощью таких слов, как вспыльчивая, неуравновешенная, «командир», жесткая, эгоистичная, излишне строгая, слишком темпераментная, могла наказывать ремнем, недалекая, взрывная, властная, авторитарная, истеричка, неврастеничка, тиран; деспот, избивала, не кормила; диктатор, унижала и обзывала отца; любила только себя, мной не интересовалась; упрямая, агрессивная.

Отцы и отчимы в глазах дочерей нередко выглядят более привлекательно, чем матери. Половина отцов однозначно положительны: мягкий, трудолюбивый, заботливый, добрый, покладистый, тактичный, уравновешенный, всех жалел, ничего плохого сказать нельзя, образованный, сдержанный, интеллигентный, хороший, любящий, порядочный, доброжелательный, понимающий, замечательный, непыющий; любил меня, всему учил; «хотя с нами не жил, но издали казался таким классным, целеустремленным»; «добытчик и добрый». При этом очевидно, что это не только родительские качества, но и качества маскулинные, т. е. качества, которыми наделяется «настоящий» мужчина.

Каждый четвертый отец охарактеризован неоднозначно: добрый, работающий, но «подкаблучник», «хороший, добрый, но пил»; «заботливый, но иногда деспотичный»; «иногда пил, но был спокойный, в постоянных командировках, делал карьеру, мы его мало видели»; «целеустремленный, трудолюбивый, но вспыльчивый».

Слово «подкаблучник» здесь воспринимается как ругательное. Но если разобраться в сущности этого «немужского поведения», то такому мужчине присуще считаться с мнением жены, он уступчивый, неагрессивный, т. е. вполне нормальный человек, который не следует изжившему себя стереотипу «мужчины с кулаком». И в этом случае он не должен восприниматься как антигерой. Наоборот, это образ современного мужчины, который не «властвует», а живет в семье как равный с равными (к сожалению, жены начинают помыкать ими). При такой трактовке эти мужчины могут быть в полной мере отнесены к первой группе отцов – с положительными характеристиками.

С отрицательными характеристиками пятая часть отцов: властный, алкоголик, «когда трезвый, хороший, но пил, а пьяный – агрессивный, деспотичный, отнимал у матери деньги»; плохой; жесткий, злой; «всегда считал себя правым». Это негативные качества мужчины не только как человека, но и как родителя.

Если мы будем оценивать личностные качества родителей опрошенных женщин в диадах (по парам), то случаев, когда оба – и мать и отец (отчим) – характеризуются положительно, совсем немного – лишь каждая седьмая пара. Все остальные случаи – это сочетание «плохих» и «хороших» родителей. Если мать хорошая, отец – плохой, и наоборот, мать плохая – отец хороший, либо кто-то из них имеет разные характеристики, которые не позволяют однозначно сказать, что это хороший родитель.

Необходимо отметить, что даже хорошая семья не может оградить девочку от того, что в будущем она может попасть в ситуацию насильственных отношений с мужчиной. В интервью одна из женщин из вполне благополучной семьи сказала, что никогда раньше не могла даже предположить, что мужчина может *так* себя вести и *так* относиться к женщине. Этот случай заставляет думать, что и в хороших благополучных семьях родители должны давать детям более полное представление о реальных проблемах в современном обществе и современных семьях, учить быть осмотрительными и разборчивыми при выборе спутника жизни.

Положительную оценку обоим родителям дали менее половины *пассивных* женщин. Это традиционные качества хорошего отца: спокойный, заботливый, добрый, тихий, хороший. И традиционные качества женщины – примерной матери: спокойная, добрая, заботливая, выносливая и т. д. Как оказалось, на оценку женщинами отца и матери оказывают влияние как качество исполнения ими родительской роли, так и их соответствие традиционным гендерным образам мужественности и женственности.

В качестве гипотезы мы выдвигаем «крамольное» предположение о том, что сильная, властная мать – это один из факторов формирования в девочке качеств, которые помогают ей в будущем «выстоять» в ситуации насилия (она в детстве на примере матери видела, какой может быть женщина) и, став однажды жертвой, преодолеть это. Сюда следует добавить положительный образ отца, который помог формированию характера девочки (у нее был пример «настоящего» мужчины) и ее отношения к противоположному полу.

Для многих пассивных женщин-жертв домашнего насилия мать тоже является примером поведения в собственной жизни. У этих женщин мать нередко была традиционной послушной особой второго сорта. Предположение о том, что слабая мать воспитала слабую дочь, которая не в силах справиться с насилием, кажется нам заслуживающим внимания.

Характер отношений с родителями – один из факторов формирования личности девочки. Более половины *активных* женщин назвали свои отношения с матерью хорошими, теплыми. При этом отмечалась разная мера доверительности. В целом же у *активных* женщин отношения с отцами оказались лучше, чем отношения с матерями. Ответы *пассивных* женщин были очень лаконичными. Хорошие отношения с матерью складывались у большинства женщин; плохие – у каждой пятой.

Что касается отношений между родителями, то у матерей и отцов *пассивных* женщин они чаще отмечались как плохие. Следует добавить, что отношения девочек с каждым из родителей чаще оценивались как положительные, нежели отношения между самими родителями. Понятно, что хорошие отношения с родителями – не гарантия жизни в будущем без насилия, однако мы можем предположить, что это обстоятельство помогает женщине в преодолении проблемы, так как она может «опираться» на сформированные позитивные установки и знания о том, как должно быть, чтобы было хорошо.

Многие респондентки отмечали в основном пассивное поведение родителей (как правило, матерей) после факта применения к ним насилия, отношение к происходящему как к нормальному явлению, ожидание, что все само собой «рассосется». Вмешательство посторонних людей, внешних сил, в том числе и правоохранительных органов, происходило редко. Родительский опыт нередко демонстрирует пассивную модель поведения страдающей стороны и воспроизводится в собственной семье.

Вместе с тем нельзя категорично утверждать, что негативная обстановка в родительской семье может влиять на девочку только отрицательно. Для некоторых это «суровая школа жизни», которая закаляет характер и заставляет преодолевать всякие жизненные трудности. По крайней мере ответы *активных* женщин, которые были в детстве подвергнуты разным испытаниям, показали, что последствия этих событий в эмоциональном и социальном плане неоднозначны. Разные по характеру отцы и матери, разные взаимоотношения между ними, качество жизни, влияние внесемейных источников (школы, подруг, прочитанных книг) в принципе могут действовать разнонаправленно. Но что-то «перевешивает» в формировании личности, и девочки становятся жизненно стойкими, хотя эта стойкость им может обходиться очень дорого (например, ранний сексуальный опыт, отказ от замужества, ограничение контактов с противоположным полом, «уход в себя»). Объединяет этих женщин то, что они, попав в ситуацию насилия во взрослой жизни, нашли в себе силы и смогли самостоятельно выйти из нее, поставив перед собой значимые жизненные цели. Одна из женщин, анализируя тяжелый родительский опыт, заключила: «Конечно, это все повлияло, так как, пережив такие эмоции в детстве... не хочется видеть такое в своей семье».

Профессиональная деятельность – очень важная часть жизни современной женщины. Отношения с коллегами – мужчинами и женщинами – у подавляющего большинства *активных* и *пассивных* женщин «дружественные», «деловые», «замечательные», «отличные», «прекрасные». Отношения с начальством в основном хорошие, деловые, бесконфликтные. Один из вопросов интервью был направлен на выяснение самооценки женщины в профессиональной сфере и ее успешности. В подавляющем большинстве случаев они считают себя успешными. «Считаю себя успешной. У меня есть хорошая работа, меня ценят, я нормально зарабатываю». «Успешна, с тех пор, как развелась, достигаю всего». «Могу считать себя успешной, так как занимаюсь тем, что мне нравится». «Я успешная, потому что я хороший специалист, со мной советуются коллеги, просят о помощи. Я делюсь опытом с молодежью, чувствую себя нужной. Стараюсь быть активной в жизни». Понятие неуспешности, обозначенное немногими женщинами этой группы, связано с отсутствием профессиональных достижений и недостаточной социальной самореализацией. *Таким образом, оценку успешности определяют личные объективные достижения и удовлетворенность собой в профессиональной деятельности.*

Фактор профессиональной самореализации оказался значимым при определении себя как успешной или неуспешной женщины и для победивших насилия, и для продолжающих оставаться жертвами. Однако в группе пассивных женщин, добившихся хороших результатов в профессии, меньше, при этом достигнутый успех нередко имеет условный характер («да, успешна, но...»).

Таким образом, социальная успешность – это профессиональные достижения, ощущение востребованности обществом и наличие интереса к делу, которым женщина занимается. Получение хорошего образования, интересная работа, уважение и признание со стороны коллег, саморазвитие – все это позволяет женщинам чувствовать включенность в социальную жизнь, возможность знать о своей полезности обществу придает уверенность. Это та сила, которая наполняет жизнь смыслом, делает устойчивой.

Отношения с мужчинами, их значимость в жизни каждой женщины сложно переоценить. Для категории обследованных женщин опыт отношений с мужчинами никогда не был только позитивным. Более того, этот опыт многих из них сделал несчастными.

Активные женщины имеют более богатую и разнообразную сексуальную жизнь, чем *пассивные*. Можно констатировать, что в добрачный период женщины из первой группы по сравнению со второй были «пытливее», любопытнее, но это не «развратные девушки». У большинства женщин этой группы первый сексуальный партнер стал мужем. Но правда и то, что он не стал единственным мужчиной в ее жизни. Активные женщины не ограничиваются отношениями с мужчиной, который их не устраивает, но при этом они моногамны – *ищут своего мужчину*. Некоторые делали две-три попытки найти нового супруга или сексуального партнера. Искали и находили того, кто не применяет насилия. На момент опроса только каждая шестая женщина состояла в юридическом браке. Треть женщин состояли в фактических брачных отношениях (без юридической регистрации), которые сегодня многие почему-то называют «гражданским браком», или имели постоянных сексуальных партнеров. Подчеркнем, что *это выбор женщины, а не мужчины – официально не оформлять свой союз*. Остальные женщины проживали без мужчин, хотя и не одиноко (с детьми, родителями). Если женщинам не удавалось найти хорошего мужчину, они предпочли жить без мужа. *Это отличает их от тех женщин, которые продолжают жить в браке с насильниками, оставаясь жертвами*.

Большинство *пассивных* женщин замужние, «играющие» роль традиционной жены (имеется в виду статус женщины в патриархальной семье, ее подчиненное положение мужу). Они часто ограничиваются связью с одним мужчиной, который для них первый и единственный, каким бы он ни был.

Вывод, который «напрашивается» после анализа интервью: бывшие жертвы, самостоятельно вышедшие из ситуации насилия, в большинстве своем принципиально пересмотрели свои отношения с противоположным полом, многие отказались от традиционного брака, некоторые вообще отказались от брака (возможно, на какой-то период).

Мнения о виновных в насилии разделились.

Среди активных:

- каждая третья винит мужчину,
- каждая четвертая винит случай (обстоятельства) или общество,
- каждая четвертая считает виноватой себя,
- каждая пятая винит обоих: себя и мужчину.

Среди пассивных:

- каждая вторая винит себя,
- каждая четвертая считает, что никто не виноват (или виновато общество),
- каждая шестая думает, что виноват мужчина,
- каждая десятая, что виноваты оба.

Таким образом, среди продолжающих оставаться жертвами больше женщин, считающих виноватыми себя и обстоятельства, что полностью снимает вину с насильника и оправдывает его в ее глазах.

С разрешением ситуации насилия в семье все обстоит очень сложно. Это целая цепь тяжелых событий, горьких раздумий, неприятных и болезненных эмоций и чувств, которые постепенно приводят женщину к принятию трудного решения. Почти половина женщин ничего никому не рассказывает о случившемся в семье. Другая же половина ищет понимания у близких или просто знакомых людей. Однако окружение малоэффективно в смысле помощи в разрешении ситуации. Малая часть женщин обращается в правоохранительные органы и очень редко находит там защиту и поддержку. Вот высказывание одной из пострадавших от домашнего насилия: «Очень

сложно все разрешалось. Правоохранительные органы не хотят вмешиваться в семейные конфликты». Самыми значимыми в подобной ситуации оказываются собственная позиция и действия самой страдающей стороны. Понимание того, что дальше так продолжаться не может, что нужно что-то делать, и нежелание больше мириться с насильственными отношениями заставляют женщину выстраивать стратегию выхода из создавшейся ситуации. Она не мирится ни с одним из проявлений насилия в свой адрес или в адрес своих детей. В таких случаях ей могут поспособствовать родственники, подруги, соседи и т. д. И милиция тогда рассматривается не просто как «спасательный» круг, а как один из необходимых инструментов для комплексного решения проблемы.

Таким образом, действенной стратегией выхода из ситуации домашнего насилия является оказываемое самими женщинами активное сопротивление обидчикам. Подчеркнем, что самая важная и необходимая часть жизненной стратегии выхода из неприемлемых отношений – активность, действенность, сопротивление самих жертв. Именно такая позиция спасает их, в отличие от тех женщин, которые продолжают оставаться объектами насилия.

Среди пассивных женщин хотели бы изменить ситуацию только четверть; причем некоторые пытались менять себя и свое поведение, некоторые уезжали к родственникам (убегали из дома) с надеждой, что насильник одумается, но затем возвращались. Такая стратегия оказалась неэффективной, насилие продолжалось и даже усиливалось.

Пережитое, как правило, влияет на отношение женщины к насильнику, на интимную сторону их жизни. Подавляющее большинство активных женщин однозначно признали такое влияние. Говорили об утрате чувства любви, о прекращении интимных отношений, ухудшении всего спектра отношений, о разводе, возбуждении уголовного дела. «Этот опыт повлиял на всю мою жизнь, это повлияло не только на отношения с нынешними мужчинами, но и с детьми, вообще на мировоззрение. Не бывает бывших жертв насилия. Это откладывает отпечаток на психику. Есть такие вещи, как тревожность, подозрительность. Я в теперешних отношениях с партнером усматриваю попытку ущемления моих интересов. Во всем призрачное насилие...»

Во второй группе женщин намерения к действиям были отмечены только у единиц (которые говорили о своем решении развестись с мужем). Подавляющее большинство оказались пассивными. При этом многие отмечали разочарование в партнере, охлаждение чувств, а почти каждая вторая стала испытывать ненависть к обидчику. Однако женщины нередко ищут и находят оправдания насильникам («люблю его, он хороший», «в нем, на мой взгляд, много хорошего, и это компенсирует все эти проблемы», «по-прежнему его люблю, хочу сохранить отношения»).

Негативные последствия перенесенного насилия ощущают и понимают практически все активные женщины. Это касается их физического и психического здоровья. Нередко перенесенное насилие провоцирует нервные заболевания, стрессы и депрессии; возникают проблемы с сердцем, легкими, кровяным давлением; преследуют головные боли после сотрясения мозга, не говоря уже о таких последствиях, как переломы костей; сломанные носы; вырванные волосы с кожным покровом; поврежденные ноги и руки; кожные заболевания; трясущиеся после пережитых стрессов руки и др.

В социальной и брачно-семейной сферах тоже далеко не все складывается благополучно. Некоторые женщины не хотят больше вступать в брак, у них появляется недоверие к мужчинам, они становятся закрытыми для общения с противоположным полом; некоторые из неполных семей переживают финансовые трудности; появляются проблемы на работе, связанные с продвижением по службе; многие опасаются за здоровье детей. Экономические последствия связаны с немалыми расходами на постоянную покупку

лекарств, ремонт поврежденной мебели и бытовой техники, замену выломанных дверей, разбитых окон, сломанных замков, выброшенных мобильных телефонов; на консультации специалистов, адвокатские услуги и судебные издержки, связанные с бракоразводным процессом, и т. д.

Пассивные женщины практически не называют социальных и экономических последствий домашнего насилия, а указывают на ухудшение здоровья и медицинские последствия, скромно говоря только о необходимости постоянно принимать успокоительные средства. Подчеркнем, что насилие в семье – экономически негативное емкое явление, требующее немалых финансовых затрат на ликвидацию или смягчение его последствий.

Оценка себя и своей семейной жизни в настоящее время зависела от того, к какой группе относилась женщина: *активной* или *пассивной*. В первой группе на вопрос: «Счастливы ли Вы?» – подавляющее большинство женщин назвали себя счастливыми. И это счастье связано с тем, что они успешны, у них есть дети, с детьми хорошие отношения. Что касается личной жизни, то в нынешней ненасильственной жизни по сравнению с прошлой женщины чувствуют себя счастливыми. Но если сравнить ощущение ими счастья со счастьем женщин, живущих в успешных браках, они бы, безусловно, проиграли. Однако, если их сравнивать с теми, кто продолжает оставаться жертвами, они однозначно выигрывают.

Счастливыми назвали себя и около половины женщин из второй группы; в основном это те, которые уже ищут пути выхода из создавшейся ситуации. Женщины, продолжающие оставаться жертвами, даже если они не отрефлектировали свой опыт, по внутренним ощущениям не могут считать себя благополучными. Об этом свидетельствует и их внешний вид, и настроение, и отношение к теме разговора. Большинство женщин, как это и принято в нашей культуре, поддерживают образ красивой/привлекательной женщины. Однако их настроение и отношение к разговору были другими по сравнению с женщинами первой группы. У большинства *пассивных* преобладало негативное настроение (напряженная, подавленная, грустная, озадаченная, скованная, взволнованная, настороженная). В процессе интервью только у половины женщин появлялась улыбка на лице; у некоторых отмечались перепады настроения. Открытыми и доброжелательными были около половины женщин, остальные неохотно отвечали на вопросы относительно мужчин, им было трудно рассказывать, некоторые выдавали свое сильное волнение невербально. *Активные* женщины чувствовали себя спокойно и уверенно. Некоторые шутили, многие были улыбкивы. Практически все женщины данной категории были настроены на разговор, проявили открытость и доброжелательность. Одна из них сказала: «Я счастлива, потому что самое страшное уже позади».

У большинства женщин обеих групп есть дети, с которыми отношения хорошие и даже дружеские. К сожалению, из пережитого собственного опыта насилия значительная часть женщин не сделала поучительных выводов для построения взаимоотношений с детьми. То, что некоторые дети бывших жертв также переживают насилие со стороны матерей, говорит о том, что, понимая в принципе недопустимость методов, тем не менее они их используют. Что касается второй группы, то дети продолжают оставаться в хронической ситуации насилия.

Отношение к браку у подавляющего большинства *активных* женщин очень избирательно. Большинство из них считают, что женщина должна быть замужем только за хорошим мужчиной. Четверть думают, что в принципе не обязательно быть замужней. Лишь одна респондентка согласна с тем, что женщина обязательно должна быть замужем, несмотря на то, какой у нее муж.

Около половины респонденток второй группы также считают, что женщина должна быть замужем, но за хорошим человеком. Около четверти разделяют мнение, что не обязательно выходить замуж (демонстрируя современную позицию эмансипированной женщины).

Отношение к семье у женщин трепетное и даже возвышенное. Отвечая на вопрос о семье, женщины должны были продолжить предложение: «Семья для меня – это...» Вот некоторые суждения женщин первой группы: «...это как Родина, она должна быть и все!»; «семья – это все: дом, очаг. Это рай, куда хочется возвращаться. Это родной дом»; «...это – душевная стабильность»; «...это – гармония, пожалуй. Это какие-то взаимоотношения, если даже не любовь, то взаимоуважение, привязанность. Это должно быть что-то безопасное. Семья – это место, где человек должен чувствовать себя комфортно. Это не должно быть место, куда страшно возвращаться после работы, где друг друга не ценят, не любят или бьют, унижают. Комфорт, и не только бытовой, а скорее психологический. Если есть психологический комфорт – будет и комфорт бытовой»; «...это самое главное, что есть в жизни, ради чего стоит жить, там, где тепло, уютно, спокойно, где тебя понимают»; «...это надежный щит в жизни»; «...это крепость, это самые близкие мне люди. Здесь тебя должны понимать, даже если окружающие не понимают тебя, должны принимать таким, какой ты есть, и не переделывать тебя».

Приведенные высказывания демонстрируют высокую ценность семьи для женщин, несмотря на все перипетии их жизни. Однако и убеждают, что ценность брака и семьи значительно различаются. Сравнительный анализ показывает, что ценность семьи безусловна, а ценность брака обусловлена необходимостью выбора «правильного партнера».

Высказывания женщин второй группы более лаконичны, более абстрактны и содержательно отличаются: «Семья нужна каждому человеку»; «семья (затрудняется в ответе) ...это будущее. Хотела бы, чтобы семья была крепкая и дружная»; «семья – это и есть семья, семейный очаг». Были высказаны и иные мнения: «Я уже разуверилась, что бывают хорошие семьи»; «...не знаю даже, что сказать»; «семья – это обязанности и обязательства».

Одна из задач исследования – собрать и обобщить советы женщин, переживших насилие. Один из важнейших выводов, к которому приходишь, анализируя интервью с женщинами, сумевшими выйти из насильственных отношений, – это настойчиво повторяющаяся мысль: *нужно менять себя*. Найдите в себе силы, чтобы поменяться и полюбить себя, уважать себя как личность. Надо быть сильной, активной, уметь действовать – таков лейтмотив большинства советов. Это обращение к самой женщине – перестать быть жертвой.

Пассивная группа давала крайне мало советов. Это и понятно. Как можно кому-то что-то советовать, если сама не понимаешь, что с тобой происходит и как быть. Хотя в некоторых пожеланиях есть мысли, которые демонстрируют умение анализировать и делать выводы, как и в первой группе. Это касается женщин, ищущих пути выхода из создавшейся ситуации. Вот некоторые примеры: «Наверное, надо в первую очередь любить себя, потому что, когда есть самооценка, когда ты прекрасно понимаешь, чего ты можешь добиться и без мужчины, то, наверное, тогда “спина ровнее и голова выше”. Я считаю, что не стоит думать, что тот мужчина, который рядом, – это всё! Если что-то не устраивает, то надо с этим бороться». Почти половина женщин не знает, что посоветовать, так как сами они находятся в сложной ситуации и не видят из нее выхода, вторая половина уже находится на уровне осознания проблемы и продвинулась к ее разрешению.

Таким образом, главное действующее лицо и основной ресурс в изменении ситуации насилия и выхода из нее – сама женщина.

Еще один вывод подтверждает уже известный: женщины страдают от насилия чаще всего со стороны своих близких, а не от случайных людей.

В целом ответы женщин первой группы (*активных*) более аналитичны и развернуты, интервью с ними получились содержательнее, чем с женщинами второй группы (*пассивными*). На этот факт, на наш взгляд, повлияло несколько причин. Во-первых, женщины первой группы оказались более образованными, чем второй. Во-вторых, социально-статусно первая группа находится на более высокой ступеньке, чем вторая. В-третьих, первая группа женщин – это более уверенные, более счастливые, более успешные жен-

щины, как правило, экономически независимые, которые самостоятельно вышли из ситуации насилия. В разговоре они были открыты и доброжелательны. Представительницы же второй группы часто были закрыты, многие из них находятся в непростой и эмоционально напряженной ситуации, им сложно общаться на тему, которая причиняет им боль.

Таким образом, судьбу женщины определяет ее собственная стратегия поведения: активная или пассивная. «Никто не поможет тебе больше, чем ты сама».

¹ См.: Бурова С., Езерска З., Забелина Т. и др. Уровень осведомленности населения о насилии над женщиной в семье и на рабочем месте: Региональная информационная кампания «Жизнь без насилия – это наше право» / Женский фонд развития ООН (ЮНИФЕМ). Мн., 2002. С. 115–116.

² См.: Бурова С.Н. Насилие над женщиной: частное дело или социальная проблема? // Выбр. навук. працы Бел. дзярж. ун-та. 1921–2001: у 7 т. Мн., 2001. Т. 1. С. 236–237.

³ Бурова С., Езерска З., Забелина Т. и др. Уровень осведомленности населения о насилии над женщиной в семье и на рабочем месте. С. 101.

Поступила в редакцию 19.10.10.